

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Э то еще советская история: Гена был не простой милиционер, а, на минуточку, полковник милиции, и день рождения у него был не юбилейный, а совершенно рядовой — допустим, 56 лет или там 58, но он все равно снял целый ресторан по Обуховской трассе, пригласил музыкантов и, когда в компании жены и дочки обсуждал меню с шеф-поваром, не скупился — парадный обед на сто персон, салаты — не просто огурцы с капустой, а всякие сложные — с курицей, с кусочками ананаса, и даже один с печенью трески. И колбáсы жена закупала лично под его чутким руководством — и «Советской» пять палок взяли, и прочих сырокопченых — не барахло какое-нибудь. А алкоголь выбирался Геней вообще самостоятельно — ящиками, если честно.

С женой долго обсуждали рассадку — приглашенных было много, и нужно было так всех рассадить, чтобы рядом оказались знакомые люди, а не,

допустим, неизвестные соседи, с которыми придется знакомиться прямо за столом и чувствовать себя оттого скованно и дружественно-официально. Решали, где сядут родители, где коллеги, а где друзья детства, чтобы всем было видно именинника, и было место, где потанцевать, когда ансамбль заиграет танцы.

А чтобы после веселья развезти всех по домам, был заказан специальный большой автобус, который всех гостей соберет и доставит до ближайшей станции метро, а кого-то и просто увезет домой — по обстоятельствам. Самого Гену, уже, конечно, хорошо выпившего, вместе с семьей, отвезет Костя — личный шофер, на милицейской черной «Волге».

В самый день рождения, в воскресенье, тот же Костя с утра отвез жену и дочку начальника в парикмахерскую, где им обеим были произведены парадные прически: жене — сложная, богато структурированная, а дочке — молодежная, в виде стрижки, сбрызнутой лаком средней фиксации. Дома они облачились в праздничные наряды и надушились французскими духами «Клима», очень модными на тот момент.

Сам Гена долго думал, что надеть — темно-синий чешский костюм с галстуком и удивительной

красоты зажимом из янтаря, который в прошлом году ему преподнесли наркоманы района из бывших зэков, или все-таки милицейскую форму. Решил все-таки форму — чтобы пьяные гости из гражданских немного шарахались и помнили, у кого тут день рождения.

Всем приглашенным позвонили за неделю и назначили на четыре часа дня — потому что зима, погода непредсказуемая, темнеет рано и лучше начать как можно более засветло, но, конечно, не совсем в полдень, как будто это детский утренник. В ресторане, у входа, поставили специальный стол для подарков, если кто-то будет дарить не деньги, и там же установили несколько больших ваз с водой для поздравительных букетов.

Погода в день рождения установилась омерзительная: накануне прошел снегопад, а с утра все начало таять, потом пошел мокрый снег, поднялся ветер, все заволочло тучами и непонятно было, который теперь может быть час, если не взглянуть на часы и не сориентироваться. Гена приехал к ресторану первым (еще, конечно, никого не было) и ушел оглядывать помещение, столы с салатами, равномерно расставлять бутылки с алкоголем и напитками (компот жена привезла свой, домашний, сварили целую выварку и разлили по трехлитровым

банкам), знакомиться с музыкантами и выпить с ними первую от жены неучтеночку.

Жена с помощью лака поправила в туалете прическу, немного подмятую погодой и капюшоном от шубы, и, благоухая духами «Клима» среди аппетитного запаха жареного лука, пошла на кухню договориться с поварами, чтобы горячее быстро не подавали, а только после тоста за родителей, когда гости уже будут готовы: подразумевалось жаркое с тушеной картошкой и еще отдельно котлеты, голубцы и рыба в томате, Генина любимая.

Наконец за окнами сверкнули фарами первые гости: это приехали Крыловы, соседи. Вернее, сосед, потому что супруга расхворалась и решила никого не заражать. Но сам Крылов гостем был никаким — он по причине язвы не пил, и вообще, Гена с ним общался постольку, поскольку не общаться с соседом, с которым ты живешь дверь в дверь, непозволительно. Крылов преподнес три гвоздики и чеканку и сел кушать колбасу «Советскую», которая в виде нарезки была счастливо случайно установлена прямо перед ним.

Потом, еще через пять минут, приехали на такси родители жены, привезли цветы и шарф домашней вязки. С ними и выпили первую.

А больше никто не приехал. Вообще.

У всех были причины: во-первых, погода, настолько отвратительная, что не хотелось и носа показывать на улицу, во-вторых — воскресенье, завтра рано на работу, а с Геной не напиться не получится: он умеет так настоять своим милицейским голосом, что и нехотя, но напьешься, а назавтра будешь с утра дышать перегаром на коллег, в-третьих, была эпидемия гриппа, и многие температурили дома или просто кашляли, и не хотелось оказаться в большой

компании людей в запертом помещении, где, может быть, будет один заболевший, который всех и заразит воздушно-капельным путем, и если у тебя жена простужена и переживает ОРЗ, ты же не поедешь один без нее веселиться — это неправильно, и потом, Гена, конечно, хороший друг и вообще, но эти его солдафонские шуточки матом при женщинах и детях, когда выпьет, эта его красномордая веселая рожа, когда напьется и начинает хватать за сиськи твою жену, а приходится хихикать, вместо того чтобы дать в морду, и ведь не юбилей — вот было бы шестидесятилетие, чтобы стихи в красных папках, а так дата некруглая — да и, если приглашено сто человек, недостачи двоих никто и не заметит. Так каждый примерно и подумал.

Сначала в полной тишине к жене шепотом пришла шеф-повариха и спросила, подавать ли горячее, и Гена рывкнул так, что зазвенели кастрюли на кухне:

— Подавать! Немедленно!

И опять налил — себе и перепуганному тестю. Крылов не пил.

Потом от спрятавшихся музыкантов выделился их смелый руководитель, барабанщик, и по-делово-

му дрожащим голосом поинтересовался, начинать ли музыкальное сопровождение. И Гена рывкнул еще сильнее, так, что тарелки на ударной установке застонали от ужаса и уважения:

— Играть! Яблочко!

И музыканты заиграли «Яблочко» — так весело, так жутко, в пустом зале, для несуществующих танцоров, было прямо видно, как веселятся все эти приглашенные призраки, как женщины-призраки взмахивают в танце руками, и как залихватски мужчины-призраки сбрасывают пиджаки.

А потом, когда Костя уже приехал забирать начальника, жена несмело все-таки заикнулась о том, чтобы что-то со столов собрать в какие-то судочки — например, хотя бы нарезку колбасы или соленья, Гена с красными, налитыми глазами закричал так, что даже непогода за окном притихла — так задрожали огромные окна:

— Отставить! Отставить, я сказал! Это для гостей!

Когда ехали домой и молчали — погода и вправду притихла: не было уже ни дождя, ни снега, ни ветра, а было тихо-тихо, потому что крикнуть иногда

кто-то может так, что невольно поймешь: просто так в полковники милиции не выбирают.

И дальше все потекло своим чередом: в понедельник посидели отметили на работе, а только умер он через четыре дня. Попросил Костю высадить за две остановки, чтобы пешком пройтись до дома по воздуху, и умер на улице. Прямо на асфальте и умер.

СМЕЛАЯ Оля

Во времена моей юности одна, допустим, Оля, уехала в Америку (тогда было модно в Америку).

И поскольку Оля тут при жизни закончила инъяз и довольно-таки сносно говорила по-английски, она в Америке вскорости устроилась в какую-то контору и стала там работать.

И вот работает она там, знаете ли, неделю, вторую, месяц, три месяца, полгода, а потом ее вдруг вызывает не просто начальник, а, скажем так, большой шеф и говорит довольно нервно:

— Послушайте, Олга, — он говорит. — Что происходит? Что вы пытаетесь нам сообщить своим поведением?

Несчастливая Олга не может понять, что он имеет в виду, лихорадочно припоминает все свои небольшие

и невинные проколы, включая воровство початого рулона туалетной бумаги из кабинки, и потеет. А большой шеф тем временем продолжает еще более нервно:

— Мы понимаем, что это такая странная форма протеста. Мы готовы вас выслушать. Совсем не обязательно было устраивать такой привселюдный демарш, вы могли обратиться к своему непосредственному начальнику. Вы могли обратиться напрямую ко мне, в конце концов. Но не устраивать из этого такую демонстрацию, Олга!

Тут бедная Оля уже вообще начинает ощутимо слабеть в коленках и решительно отказывается что-либо понимать. А большой шеф не унимается:

— Что вас не устраивает? Против чего вы протестуете? Мы платим вам ровно такую же зарплату, как и вашим коллегам, ни центом меньше, и это достойные деньги! Что вас не устраивает, объясните, ради Бога, иначе я с ума сойду!

У большого шефа начинается натуральная истерика, а бедная Оля начинает плакать и сквозь слезы лепетать что-то вроде того, что она ничего не понимает, никаких акций протеста не устраивала и никого обидеть не хотела.